

НИКОЛАЙ

ТАРАСОВ

БЕЛЫЕ

МОСТЫ

Коллегу Второго
госвог завода,
с которым долгое
время сотрудничал
газета „Советский
спорт“, где между
другим начиналась
эта книжка —

30.I.74.

Николай Тарасов.

НИКОЛАЙ ТАРАСОВ

БЕЛЫЕ МОСТЫ

НИКОЛАЙ

ТАРАСОВ

СТИХИ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

МОСКВА

1969

БЕЛЫЕ

МОСТЫ

«Николай Тарасов — поэт со своим почерком, с точным и острым видением мира, — писал об авторе этой книги Евгений Винокуров. — Книга начинается со стихов о войне, участником которой был поэт. Интересны по наблюдениям стихи о загранице. Исполнены настроения, лиризма, раздумья стихи о природе и любви. В пейзажах города, в зарисовках площадей, улиц, садов Николай Тарасов прежде всего видит человека, — они для него средство раскрыть себя, свой внутренний мир. Это чистая и прозрачная лирическая книга».

Автор по профессии — журналист. В книгу Н. Тарасова «Белые мосты» вошли стихи разных лет.

Художник Д. Б. Л и о н

□ □ □

Тянет ветром с Финского залива,
с недалеких северных морей.

Я опять,

усталый и счастливый,
вижу город юности моей.

Ленинград...

Он этой ночью синей
чуть в снегу

и чуть накоротке
с облаками,

с будущим России,
с кораблем, замерзшим на реке.

Я люблю его туманов крепость,
площадей открытую игру,
эту

Петропавловскую крепость
и Адмиралтейскую иглу.

Снова Невский —

весь как на ладони!

Сфинксы

загляделись в пустоту.

И, рванувшись,

словно от погони,

цепенеют клодтовские кони

на почти придуманном мосту...

...Утро прошлого. Мы еще дети.
И взрослеть нам еще не пора.
И, еще ни за что не в ответе,
мы играем в тени у Петра.

Век еще набирается силы.
На три четверти все впереди.
Небо кажется легким и синим.
И сжимается сердце в груди.

Воздух в росчерках грозных событий.
Но под вздыбленной бронзой коня
я качаюсь на грозном копыте
среди грозного белого дня.

□ □ □

Горели села.

Плыл закат багровый.

И дым над лесом дальним лиловел.

Рождался гнев.

И возникало слово,
освобожденное

от мирных дел.

И шли бойцы.

И падали.

И еле

плелись вперед.

Но все же шли и шли.

В красноармейских

яростных шинелях.

И доставая полами земли.

И внезапно
наступает старость...
Под огнем
кронштадтских батарей
в город входит
гневная усталость
и седое горе матерей.

□ □ □

Весна и лето миновали,
и снова — осень и зима.
За голубым
и киноварным —
снега,
сводящие с ума.
И холода
и непогода.
И неизбежность перемен!

Консервативная природа
дает нам мужества пример.

□ □ □

Время глухо зенитками било...
Паровозы дрожали во мгле...
Шла война...

 Это все-таки было
и с тобой
 и со мной
 на земле.
Мне сегодня из прошлого прислан
привкус дыма
 и пристук ладош.
Назови мне
 какой-нибудь признак —
или след,
 или снег,
 или дождь!
Чтобы снова
 по таинству следа
и в круженье весны —
 с головой,
в замешательство леса и снега
и в далекую встречу с тобой.

Ты мне кажешься горестно близкой.
Я по темному саду иду.
И ночью
 на станции Лиски
у тебя
 в сорок третьем году.

□ □ □

За ветхим,
 но солнечным домом
в немыслимой
 голубизне
над старым
 и новым Подолом
внезапно увиделось мне
какое-то
 странное зданье —
от света отколотый свет,
холодный
 чертеж мироздания
в сумятице улиц
 и лет.
И вдруг показалось,
 что это,
дробясь
 и роняя капель,
чужой,
 марсианской ракеты
последняя стынет ступень.

□ □ □

Покачнулось прошлое и тонет.
Годы отступают впопыхах.
С горлом, перехваченным бедою,
в том же доме,
в тех же двух шагах.

Сколько лет...
А нет и нет покоя!
Сколько лет...
А все еще в долгу.
Все еще поникшею рукою
пистолет роняет на снегу.

Ленинград, квартира Пушкина на Мойке

«И дым
Отечества...» —
воскликнул Грибоедов.

И с этой
удивительной строкой
взбежал на сцену,
обвенчавшись с веком,
и, освятив ее своей судьбой,
отправил
путешествовать
по свету.

В ЛУВРЕ

Все было чопорно и чинно.
Чуть слышно шаркали подошвы.
И бородатые мужчины
из рам выглядывали тощих.

Мане смотрел осиротело.
Ван-Гог
был яростен и рыж.

А я стоял
у глыб Родена
и видел утренний Париж.
Его столетья
и мгновенья,
его порывов бурелом,
его проклятья
и моленья
и Джиоконду
под стеклом.

Волненья вольтова дуга
рвалась
из темного багета

то балериною
Дега,
то таитянкою
Гогена.
Мне в этих залах
было жарко
от столкновения страстей.

И Ренуара
парижанка
шла по Монмартру
из гостей.

И также празднично и просто
текла весенняя вода...

Встречалось будущее
с прошлым
и расходилось
навсегда.

СТОКГОЛЬМ

На свете все когда-нибудь кончается.

Достаток,

слава,

дерзость

и уют.

И только двое —

гений и красавица —

исчезновенья дней не признают.

Он жил,

как жить доводится послу.

Торжественно.

Глумясь и не заискивая.

А все свелось к предсмертному письму,

к любовной неуверенной записке...

Вам кажется,

волшебник я и маг.

А я держусь о поручни трамвая

и слышу,

как похрустывает март,

и думаю, что вывезет кривая.

Пересечение улиц не бесстрашно.
Все светофоры гибнут под огнем,
когда сквозь ночь
бездомно и бесстрашно

идет она

одна или вдвоем.

О, ей не только море по колено!

Весь этот город,

гул его и гам,

все столкновенья

лет и поколений,

домов и домен,

горестей и драм.

И никогда не будет по-другому!

Перемахнув дощатые мостки,

на повороте

о коробку дома

зеленой спичкой

чиркнуло такси.

СИЛУЭТ

Дождливое небо.
Осень.
Следы на сыром песке.
У входа
в холодный офис
горячее
пьет
сакэ.
Его заграничный паспорт
защита от всех невзгод.
А на поводке
опасность
чуть-чуть впереди
идет.
Его непрямая участь
легла
в отпечатки лет,
в штрихи
безымянных улиц.
Таинственный силуэт!

Где шаткий
рыбачий сейнер,
как старый фрегат пиратский.
А чисел не помнят сейфы.

И рвутся
пунктиры
раций...

А кто-то кусает локти.
И в городском саду
гейша,
как белый лотос,
колеблется
на свету.

Он все еще
доктор Зорге.
Неведом его маршрут.

А над головою
зонтик,
как маленький парашют.

она
бросается с карниза
с тяжелой связкою ключей.
Зачем?

К чему?
И кто в том замке,
где ждал ее такой конец?
И улыбается юнец
улыбкой
горестной и жалкой.

А режиссеру
все равно.
Он — царь и бог дивертисмента —
спасает
улицу
от смерти,
когда снимается кино.

КОРРИДА

И любят нас,
и судят,
и карают.
Но в час корриды
запрещений нет.
Три куадрильи
у ворот корраля.
И в ложе появился президент.

Еще всего не знает импресарио:
«Он юн и храбр.
И бог его хранит».
Под черными
плывущий парусами
еще не тронут трауром
Мадрид.
Пусть это будет
через две недели!
Ну, а сейчас —
Валенсия,
весна...

Его весна!

И он еще надеется,
что никогда не кончится она.

В кольце трибун,
как у черты прибоя.

А за спиною
голова быка
с недоумением ярости и боли
от бандериллий,
всаженных в бока.

Мне этот бой
его началом дорог
и ненавистен
близостью конца.
Торжественные руки
матадора,
и белизна открытого лица.
И по арене
долгое круженье,
и синее биенье
на виске.
И красный плащ.
И темное крушенье.
И тень мулеты
на сыром песке.

Традиции корриды неизменны.
Но не в быка
вонзил он шпаги сталь,

а в горло пересохшее арены
и в неба
покачнувшуюся даль!

Испания
хоронит
матадора...

В ДУБРОВНИКЕ

Еще он полон будущим,
пожалуй.

А ветер гонит
желтые листья,
когда
в холодном отблеске
пожара

она к нему
сбегает
с высоты.

И, как кувшин,
наполненный водою,
колеблется над тенью родника,
захлестывает
счастьем и бедою
и вовлекает
в юность
старика.

Стесненных бедер
смутным поворотом,

ДО ВСЕГО

А до всего, что было на земле?
Был мертвый мир,
оплавленный и стылый.

Но сквозняки, свистящие в золе,
уже свистели в современном стиле.

И лунный диск
кидал в снега абстрактное пятно
светло и оробело.

Шел мелкий дождь.
И в кадре черно-белом
безвестное дымилось полотно.

Беспольный шар.
Бесполоя гряда.
Беспольный воздух
и огонь беспольный...

Так
до всего
бесстрастно и бесспорно

текли века,
как талая вода.

Знобило ночь. Шатался день с утра.
И жалкой тенью, павшею от тени,
я уходил с постылого двора
за сто веков до твоего рожденья.

□ □ □

Поэту
 в сорок лет легко.
Он вспоминает то, что было,
и то,
 что вдаль его влекло
и что
 в пути остановило...

Я сочинял стихи
 о том,
как небо приходило в дом
и обдавало окна грустью.
И жгло глаза
 ночным огнем.

И я
 вдыхал его всей грудью.
И думал
 ветрено
 о нем.

И точно так же,
 как теперь я

влюбленно
 падаю
 к ногам
и проявляю нетерпенье
к твоим губам,
 твоим глазам,—
упрямо,
 солнечно
 и слепо
шла ночь.
 Шла жизнь.
 Земля и небо!
Они не ведали неверья
и льнули
 к свету
 и ко мне...

Замри,
 остановись, мгновенье,
дай нам побыть наедине!

□ □ □

О, великая сила исканий!
На себя
 принимая вину,
узнаю
 первобытные скалы
и отлитую в бронзе волну.
Видю профиль
 дощатого бона
и вокзал,
 обращенный ко мне,
и скульптурные руки влюбленных
на тяжелой, как мрамор, скамье.

Этот город —
 не твой и не мой он! —
но опять я его узнаю.
И у самого синего моря
на площадке вагона стою.

Все начиналось сызнова:
не нравится,
не оставаться в комнате вдвоем.
Торжественная музыка неравенства
звучала в одиночестве твоём...

Размах крыла
не знал твоей печали.
В нём крепло
ощущенье высоты.

И самолет
подписывал к печати
пространства просветленные листы.

□ □ □

О, воздух фотографии семейной!
Каштановые робкие тона...
Живу, дышу,
а знать еще не смею,
где ложь — сладка,
где правда — солона.

Фотограф
руку добрую простер
с треножника
к заезженному шляху
и, словно постаревший мушкетер,
снял
с объектива
сумрачную шляпу.
Здесь ты со всеми вместе —
и одна.
И замерло прекрасное мгновенье.

О, воздух фотографии семейной!
Каштановые робкие тона...

□ □ □

Кру́тится лист в холодной вышине.
И снег идет.

И цепенеют реки.
И в обмороке,
в белой тишине
поля и даль,
застывшие навеки.

А человек состарился.
Беда.

И утра ждет.
И места не находит.
И за весной
кидается в бега
не по своей
и по своей охоте.

Но, разрушая ночь
и торопя,
он видит только гибнущие годы...

Природа, осознавшая себя,
потрясена спокойствием природы.

□ □ □

...Но что бы ни случилось в это лето,
мне не дает покоя на земле
складная

и тоскующая Леда
под лебедем латунным в полумгле.

Зовут

ее искусственные руки.

Полусожжен,

полузамучен рот.

И сердце холодеет от разлуки
и ничего не помнит и не ждет.

ЭЛЕКТРА

Вставали призрачные стены,
глота

прозелень и пыль.

И на квадрат

старинной сцены

ложилась уличная быль.

Но за стеною интеллекта

мне было горько

и светло.

И черной бабочкой

Электра

стучала

в тонкое стекло.

Глаза,

как лезвия,

сужала.

И на подмости

пред собой

кидала

холодок кинжала

и страсти сомкнутую боль.

Была
и вымыслом
и бытом.
И, продолжая
грозный бег,
зачитывался
Еврипидом
рассудочный
XX век.

□ □ □

Оркестр
был полон небом отраженным
и шел сквозь зал,
валторнами трубя.
И бились фалды фрака дирижера,
как черный флаг
над бортом корабля.
Но, сам не зная,
он прошел над миной
в восьмом
или в тринадцатом ряду
с копной волос,
светящейся над миром,
с глазами,
погруженными в беду.

□ □ □

Ничто
 не кончается.
Простор голубой.
И небо
 качается
над головой.

А где-то у давней
забытой земли
в задымленной гавани
горят корабли...

...Листвы голоса.
Все рождается заново.
И только в глазах
отражается
 зареву.

□ □ □

Я удивляюсь сверстницам мальчишек.
Они еще и с ними
и «на ты»,
но в каждой
что-то
от Марины Мнишек,
от гибельной
недетской красоты.

Пока, полны надежды и отваги,
их мальчики
витают в облаках,
они проносят зонтики,
как шпаги,
колеблясь
на высоких каблуках.

Легко идут
по улицам бессонным.
Мосты взрывают,
пароходы жгут.

РОДИНА

Средь солнца и смеха
в сосновом лесу
проснуться
и снегом
плеснуть по лицу.

Зима не навеки.
Дороги тесны.
И руки,
как реки,
лежат до весны.

Куда б своевольно
ни плыл,
ни летел,
со всей своей болью
и дерзостью дел,
со всей своей силой
и слабостью всей
со мною
Россия
весенних дождей.

□ □ □

В стихах,
придуманных в дороге
среди раздумий и тревог,
запоминаются не строки,
а вспышки чувств
у края строк.
За светлой близостью дневною
и отчуждением **ночным**
открытий сделать
не дано им.
Но сердце
тешится иным.

...Москва в окне,
как на распутье.
Кругом весны столпотворенье.
Она ушла!
— А ты забудь ее
и сочини
стихотворенье.

И жизни грозное затишье,
и ощущение новизны
вложи

 в одно четверостишье
с холодной линией волны,
с дождем и ветром

 в море позднем
над потемневшею водой,

со всем,

 что было до

 и после

и стало

 счастьем и бедой.

□ □ □

Идут дожди.
Насквозь все ими выткано.
А я еще
тобою окружен.

Идут дожди.
Как будто солнце — выдумка,
и мир всегда
был в воду погружен.

Идут дожди.
Все на земле обложено
их неумолчной,
их нещадной данью.

И дело
о лирической оплошности
прекращено
за давностью и далью.

Идут дожди.
Крученых струй канаты
затягивают сумрачное небо.

Идут дожди.

Как будто так и надо.

Как будто

ничего другого

не было.

□ □ □

Табачным дымом комнату кружа,
наедине,
раз так судьба свела нас,
за нежность глаз
мне подарить не жаль
внезапных чувств нахлынувшую слабость.

И навсегда
в гремящем светлом доме
за то, что так к моим словам строги,
вам положить
на легкие ладони
четыре замирающих строки.

□ □ □

Ты не повинность отбываешь,
но и не ищешь суеты,
когда с отливом
отбываешь,
с приливом прибываешь ты.

И эта сила и влечение
тебе не ставится в вину.
И за бортом
твое свечение
мне возвращает тишину.

Мне хорошо
с твоим покоем,
с твоей
глубинной кутерьмой.

...Автолом пахнет
и пенькою
и пахнет морем
за кормой.

**А где-то девушка босая
идет вдоль неба и воды.
И волны,
 к берегу бросаясь,
смывают легкие следы.**

□ □ □

Все сначала.
 Всплеск воды в бассейне.
Нету слов
 и снова есть слова!
Это продолжается по сей день,
и об этом знаешь ты сама.

Все сначала.
 Темные аллеи.
Кораблей далеких голоса.
И хотя я все-таки старею —
горы,
 море,
 губы
 и глаза.

Все сначала!
 Ветер непогоды.
Холод обручального кольца.
Все сначала —
 даже через годы,
даже через руки и сердца.

РОНСАРОВА СТРОФА

Александру Межирову

Когда пишу ронсаровой строфой,
в Тбилиси снег, и рифмы — под рукой.
И сладостно кружится голова:
из ничего — к межзвездной катастрофе!
И, как дымок над чашечкою кофе,
текут и тают зыбкие слова.

А за вокзалом голосом моим
себя диктует паровозный дым.
И болтовня издерганной Куры
и тень садов, посаженных для вида,
взывают к камням на горе Давида,
но я молчу об этом до поры.

И обхожу вопросы стороной.
И вновь пишу ронсаровой строфой.
Не потому, что старую тетрадь
давно закрыл, как комнату чужую,
а потому, что вечности служу я,
а с ней приятно вечность коротать.

И свет, и снег, и рифмы — под рукой,
когда пишу ронсаровой строфой.
Когда же убеждаюсь, что пуста
ее души холодная субстанция,
я затихаю на далекой станции
и просто пропускаю поезда.

**В гостиницах пустуют номера
в тревожном ожиданье постояльцев.
«Не уходи! Остаться постарайся...»
В гостиницах пустуют номера.**

**И снега благодарное смятенье
нас как бы отделяет от Москвы.
И стынут одинокие мосты
и снега благодарное смятенье.**

**В гостиницах пустуют номера.
И действует закон непостоянства.
«Не уходи! Остаться постарайся...»
В гостиницах пустуют номера.**

□ □ □

Ожиданье троллейбуса.

Девушки.

Дождь.

Мы стоим у затопленной светом витрины.

Подгулявшей гитары

холодная дрожь.

И распластанный шорох

попутной машины...

А потом?

Ничего не случилось потом.

Это правда?

Я думаю, все-таки правда.

Облака

пронесли опечатанный гром,

и огнем взорвалась

голубая оправа.

Я теперь

все, что было и будет, сличаю

с тишиной,
по которой ты вновь не придешь.
Закрываю глаза.

Повторяю сначала.
Ожиданье троллейбуса.

Девушки.

Дождь.

□ □ □

Шаг один

от февраля до марта,
до весны

от снежной кутерьмы.

Но еще

дымиться и доматывать
февралю

сокровища зимы.

Шаг один...

И на исходе месяц.

Шаг один...

Но в городе другом
я смотрю

в глаза моих ровесниц,
в окна, удрученные дождем.

Не хочу

и тень сомненья бросить
на сиянье вашего огня —

просто

пролегла и в сердце просесть,

та,
что не зависит от меня...

...Тишина уходит за колонны,
и стоят деревья, как во сне.
В проволоке сучьев оголенных
медленный,
невидуманный снег.

□ □ □

Задуман дом
 из солнечных стропил.
К нему иду
 дорогою прямою.
И темными ступенями
 строки
спускаюсь
 к холодеющему морю.

Луна
 осколки прошлого дробит,
приобретенья наши и потери.
Весна меня за то и теребит,
что в эти дни
 я близок ей по теме.

Кичится проза мудростью своей:
она имеет о любви сужденье...

А я хочу
 помедлить у дверей

и наглухо

закрывать стихотворенье,
где я опять с тобой наедине —
смешенье слов с весной в конце апреля,
горящее на медленном огне
и набранное черной нонпарелью.

□ □ □

Между раем и адом
на границе земли
три товарища рядом —
друг от друга вдали.

Даже после кончины
свет не меркнет в окне.
Гроб снимают с машины,
ставят слева к стене.

До свидания, люди!
День встает над страной.
Это было и будет
и с тобой и со мной.

У последней ограды,
что снега намели,

три товарища рядом —
друг от друга вдали.

□ □ □

Я медлю
 над красным и синим,
по улицам мира
 кружа.
Но центростремительной силой
к концу полувека прижат.
И к вечным привержен основам,
над смыслом твоим
 изнемог:
зачем
 притворяешься словом
и рвешься
 зачем
 из него?

Живу, ожиданием снедаем.
И жду.
 И не ждать не могу.
И сжатые сроки свиданий
сжигают меня на бегу.

□ □ □

На столе
будильник тикал.
Всё в снегу.

— Не могу,—
сказала тихо,—

Не могу...
Не могу
с собою сладить
и с судьбой...

И скользнули
руки
слабо
за спиной.

Горизонт
напялил солнце
набекрень.

А будильник
тикал снова
целый день.

И всю ночь
 текло и стыло
за стеной.

И возможно,
 это было
не со мной.

□ □ □

Она молчит.

А я слова ловлю:
«С ума сойти,
как я тебя люблю!»

Молчит февраль.

И улица молчит.
Молчат дома в провалах темных окон.
В дверях
молчат
железные ключи.
И полночь бьет
светло и одиноко.

Как можно

так
по-разному молчать!
Озера глаз текут в ее ладони.
Ей хочется и плакать и кричать.
А я
устало
думаю о доме...

□ □ □

По разоренным тротуарам
текли беспутные ручьи.

И раздавали

небо

даром.

И были улицы ничьи.

А ты стояла у окна.

А за окном

и за стеною

была апрелем смущена

земля,

забытая тобою.

Она стеснялась,

что грязна,

как снег на полотне Шагала,

когда по ней

сама весна,

сама стеснительность

шагала.

□ □ □

У художника в доме,
у седого огня
тихо греет ладони
утро нового дня.

И уходит по травам
наступающий день,
положив на подрамник
этот взрыв орхидей.

С тишиною нетленной
из воды и стекла...
И до края
 вселенной,
как до края стола.

□ □ □

Снова солнце из-за Кохты слева
бьет в квадрат открытого окна.
Тотчас наливает ямку следа
талую водой своей весна.

Петухи взлететь повыше рвутся.
И у придорожной колеи
две лыжни,
 широкие как русла,
из селенья в горы пролегли.

Море снега,
 море света,
 море
грохота и звонкой тишины.

Я вершинным снегом руки мою
рядом с грозной трассой
 у сосны.
Разогреты холодом ладони.

И с косынкой неба на плечах
вижу я весну
на белом склоне
рядом с Кохтой
в утренних лучах.

□ □ □

По вагону иду,
 как по улице узкой тбилисской.
Виноградные гроздья
 с дымящихся полок свисают.
В этом храме хурмы
 ты мне кажешься давней
 и близкой,
и грузины меня
 проводают к тебе на свиданье.

Будет все хорошо.
 И мечта твоя дальняя сбудется.
Паровозу отрадно
 дышать и дымить на мосту.
За большим чемоданом
 грустит сероглазая спутница,
и двенадцать вагонов
 идут из Тбилиси в Москву.

□ □ □

Укройся в тень
и легкий дым втяни,
пропитанный полынью
и половой.

Останкино.

А сколько лет вдали
оставлено без проблеска и слова!
То то,
то это
требуют с меня,
где я сижу, сидя по минутам.
И тесная,
и пыльная скамья
мне кажется и солнечной,
и путной.
Здесь автоматы подают ситро.
А вот таксисты также ненадежны.
Уже немолод.
А бегу в метро,
как до войны,
мешаясь с молодежью.

Пусть на газонах стоптана трава.
За вас

я отвечаю головою,
подаренные возрастом права
соединяя с детскою игрою.

СТАРОСТЬ

1

Отставили от суеты.

А он все так же
 рвется к шуму,
и шумно сбрасывает шубу,
и шарит штоф,
 и пьет,
 и к шуту
шлет все записки и цветы.

«Возьми ты в толк,
 что я толку:
артист
 не должен быть в долгу
ни у кулис,
 ни у галерки,
а — у Шекспира
 и у Лорки!..»

И задыхаясь
 на бегу:

«Кто мог подумать —
я и годы!
И бой мне снится,
и покой.
Неужто,
как костюм,
из моды
и жест,
и голос
вышел
мой?»

2

Как скатертью накрыта сцена,
и пышно сервирован зал.
В президиум
набилась смена.
И хлынул
в микрофон
металл.
Казалось, —
на века изваян,
а пал
под первым залпом дат.
И как бойницы
из развалин,
глаза потухшие глядят.
Наедине
с такой судьбою

так погрузиться
в ночь
и мглу!

И, погребенный под собою,
он сонно горбится в углу.

□ □ □

Себе самой
саму себя даря,
идет игра.
Таинственное действо.

За театральной маской вратаря
его лицо,
уставшее от детства.
Хоккей
поставлен
под холодный свод
надменного спортивного закона,
но, как латынь,
раскатывает лед
и пробивает
бомбами жаргона.
То тот,
то этот
принимая крен.
Так некогда
петровские потехи

юнцов российских
 подняли с колен
и облачили
 в тяжкие доспехи.

Галеру льда
 грызут прожектора,
и подо мной
 взрывается игра,
и вспыхивает лампа за воротами...

ЗА ШАХМАТАМИ

Тиграну Петросяну

Блокнот, как планшетка,
у края стола.
Холодный стакан
недопитого чая.
Противник ушел.
Между вами легла
стена
нарастающего
молчанья.
И эта обманчивая тишина,
где все, что ты знал,
разворочено боем,
и эта
придуманная война
вдруг
с глазу на глаз
остается с тобою.
А в строгих квадратах —
смятенье и боль.

И время не ждет.
И торопит с решением.
И ты, как всегда,
недоволен собой,
чуть сумрачно
смотришь
на поле сраженья,
на этот
внезапно разрушенный строй,
где, кажется,
нет настоящего хода.
И жертвой ферзя
завершается бой,
и в необходимости
гибнет свобода...

По черным полям
прокатилась гроза.
Спокойно и ясно
мерцают глаза.

□ □ □

За белыми канатами у ринга,
среди спаррингов,
и споров,
и пари
исполнены и дерзости, и риска,
и судного молчанья рефери.
Пульсируют секунды из неона
и падают в овации и свист.

И, все еще спортивный журналист,
я
тихо уйду
со стадиона.

СОДЕРЖАНИЕ

«Тянет ветром с Финского залива...»	3
«...Утро прошлого. Мы еще дети...»	5
«Горели села...»	6
«Мрак вползает...»	7
«Весна и лето миновали...»	9
«Время глухо зенитками било...»	10
«За ветхим, но солнечным домом...»	12
«Покачнулось прошлое и тонет...»	14
«Опередил ли кто-то генуэзца...»	15
В Лувре	17
«В темноте посверкивают колкости,..»	19
Стокгольм	21
В доме Гёте	23
Силуэт	25
Когда снимается кино	27
Коррида	29

В Дубровнике	32
До всего	34
«Поэту в сорок лет легко...»	36
«О, великая сила исканий!..»	38
«На летном поле...»	39
«О, воздух фотографии семейной!..»	41
«Крутится лист в холодной вышине...»	42
«...Но что бы ни случилось в это лето...»	43
Электра	44
«Соперница была у Нефертити...»	46
«Оркестр был полон небом отраженным...»	48
«Ничто не кончается...»	49
«Связать два слова...»	50
«Я удивляюсь сверстницам мальчишек...»	51
Родина	53
«В стихах, придуманных в дороге...»	54
«Идут дожди...»	56
«Табачным дымом комнату кружа...»	58
«Ты не повинность отбываешь...»	59
«Все сначала...»	61
Ронсарова строфа	62
«В гостиницах пустуют номера...»	64
«Ожиданье троллейбуса...»	65
«Шаг один от февраля до марта...»	67
«Задуман дом из солнечных стропил...»	69
«Между раем и адом...»	71
«Живу в пределах языка...»	72
«Я медлю над красным и синим...»	74
«На столе будильник тикал...»	75
«Она молчит. А я слова ловлю...»	77
«По разоренным тротуарам...»	78
«У художника в доме...»	79

«Снова солнце из-за Кожты слева...»	80
«По вагону иду...»	82
«Укройся в тень и легкий дым втяни...»	83
Старость	85
«Себе самой саму себя даря...»	88
За шахматами	90
«За белыми канатами у ринга...»	92

Тарасов Николай Александрович

БЕЛЫЕ МОСТЫ

М., «Советский писатель», 1969, 96 стр.
Тем. план вып. 1969 г. № 183.

Редактор *В. С. Фогельсон*
Худож. редактор *В. В. Медведев*
Техн. редактор *И. М. Минская*
Корректор *Л. И. Жиронкина*

Сдано в набор 28/XI 1968 г.
Подписано к печати 21/IV 1969 г.
А 00746. Бумага 70×108¹/₃₂ № 1.
Печ. л. 3 (4,20). Уч.-изд. л. 2,13.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 477
Цена 24 коп.

Издательство «Советский писатель»
Москва К-9, Б. Гнездииковский пер., 10

Тульская типография Главполиграф-
прома Комитета по печати при Совете
Министров СССР, г. Тула, проспект
им. В. И. Ленина, 109

24 коп.

24 коп.

၆